

АККУМУЛЯТОР СМЫСЛОВ

В МОСКВЕ ПРОШЁЛ ФЕСТИВАЛЬ
НОВОГО ЕВРОПЕЙСКОГО ТЕАТРА NET

СПЕКТАКЛЬ,
ВЫРАБАТЫВАЮЩИЙ
ЭЛЕКТРИЧЕСТВО. ТАРТЮФ
– НЕ СВЯТОША, А МЕССИЯ.

И КОРОЛЬ УБЮ – НЕ
ДИКТАТОР, А ПОДРОСТОК
С КОМПЛЕКСАМИ
ПУБЕРТАТНОГО ВОЗРАСТА.

МЕДИЦИНСКАЯ
ОПТИМИЗАЦИЯ ПО-
ВЕНГЕРСКИ. ВЕРБАТИМ
С КОММИВОЯЖЁРАМИ
ПО-ФРАНЦУЗСКИ.

АНИМАЦИЯ, РОЖДЁННАЯ
ИЗ ДУХА ВЕЛИКОЙ МУЗЫКИ.

ЗНАМЕНИТЫЙ ЛИТОВЕЦ,
ИГРАЮЩИЙ ПО-РУССКИ. ЧТО
НИ СПЕКТАКЛЬ, ТО ОТКРЫТИЕ
(ДАЖЕ ЕСЛИ РЕЧЬ ИДЁТ О
ЗНАКОМЫХ ИМЕНАХ).

Организаторы фестиваля NET не скрывали своих опасений, что следующий театральный форум может не состояться, и программу собрали как в последний раз – очень сильную. Ещё один тренд, отмеченный авторами программы Мариной Давыдовой и Романом Должанским, – российских спектаклей, которые прекрасно вписываются в контекст нового европейского театра, оказалось так много, что пришлось ограничивать себя при составлении российской части афиши: верное доказательство того, что записка фестиваля NET когда-то попала в благодатную среду.

МЫ БРАТЬ ПРЕГРАД НЕ ОБЕЩАЛИ

«ДЕМЕНЦИЯ»

Режиссёр Корнель Мундруцо.

Team Proton. Венгрия

Каннский лауреат Корнель Мундруцо первый раз приехал в Россию как театральный режиссёр. «Деменция», вторая часть «Трилогии суицида» (пьеса самого Мундруцо и Каты Вебер), – диагноз не только четырём пациентам, оставшимся в старой психиатрической клинике в центре Будапешта, но и тем, кто находится по другую сторону зыбкой грани под названием «норма». Такой же зыбкой оказывается в спектакле грань между физиологизмом, натурализмом, эротизмом – разнообразными ужасиками для ханжей, а также карнавалом, опереттой, трагифарсом, кино с крупными планами, чёрной комедией, детективом, социальным отчаянием – Корнель Мундруцо смешивает жанры, как ребёнок краски.

Врач, подсевший на транквилизаторы, с помощью музыкальной терапии лечит своих пациентов: математика, который тщетно пытается дозвониться до бывшей жены, дантиста-румына, который не может откликнуться на телесные позывы, но впадает в ярость при воспоминаниях о Чаушеску, девушку с ворохом домашних фотографий, на которых она не может никого узнать, и, наконец, бывшую опереточную диву, которую выводит из апатии только «запах молодого любовника» и микрофон в руке. Под кроватью дивы ночует её сын-гей, добровольно покинувший мир торжествующей нормы ради этого дома душевной скорби и места бас-гитариста в ансамбле «Деменция».

Венгерская оперетта, вечный Кальман как единственное, но бесполезное лекарство от деменции, забвения, распада – сильная метафора Корнеля Мундруцо, одновременно ярко театральная и едко социальная. Заброшенная клиника – это в то же время

элитная недвижимость, которую купил для своих нужд владелец фирмы эротических услуг, и теперь ему нужно «оптимизировать» четырёх психов, взрывоопасного докторишку и строптивую медсестру, с которой он когда-то крутил роман. И пока «нормальные» люди ведут опасную игру в кошки-мышки ради выживания в старом здании, пациенты с деменцией становятся нравственным камертоном – не зря их настроили на мелодии Кальмана. И врач, чуть было не продавшийся за место в швейцарской клинике, и медсестра, чуть было не променявшая своих пациентов на фальшивое счастье с оборотистым пройдохой, понимают, что за дверями их клиники царит ещё больший распад. Впереди Рождество, мир закутался в снег и готовится родиться заново, избавившись по пути от никому не нужных пациентов и лекарей. Доктор не может обыграть мир, но может опередить его на шаг – «мы братья преград не обещали, мы будем гибнуть откровенно». И подарит своим пациентам, себе и коллеге по мешку на голову и по бенгальскому огоньку, чтобы освещал последний путь и отмерял оставшееся время. В конце концов, от здоровых людей их отличает только точное знание, когда наступит конец, – и это знание светло.

ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ. КОРОБ МУЗЫКАЛЬНЫЙ

«ЗИМНИЙ ПУТЬ»

Режиссёр Уильям Кентридж. Совместная постановка. Франция, Австрия, Нидерланды, США, Германия, Люксембург

На «Зимнем пути» встретились известный немецкий баритон Маттиас Гёрне, не менее известный пианист, признанный исполнитель авангардной музыки и интendant Зальцбургского и Венского фестивалей Маркус Хинтерхойзер и южноафриканский художник-аниматор Уильям Кентридж. И сотворили из музыки Шуберта на стихи Вильгельма Мюллера действие пронзительной силы. Хинтерхойзер, по-домашнему ссутулившийся за роялем, и Гёрне, точно специ-

ально избегающий света, кажутся священником и приведённым к исповеди мирянином, а крышка рояля выполняет роль перегородки. Диапазон эмоций огромен: от гнева до плача, от стона до стоицизма. Певец исповедуется, обращаясь к пианисту, и лишь иногда, шагнув из темноты, показывает на стену, где демонстрируется видеопроекция подсознания. Светла только память, которая освещает стену, всю увешенную листками из книги жизни, собрать которую в единый сюжет уже невозможно. На этих листках память рисует торопливые картинки: едет почтальон... человек меряет комнату шагами... женщина – зарыться головой в её колени и обрести вечность... озеро, похожее на котлован... И осенние листья, из которых насмешливый ветер сплетает на миг знакомые силуэты, чтобы тут же раскидать их по земле.

ПОКА ГОРИТ СВЕЧА

«ПОСЛЕДНЯЯ ЛЕНТА КРЭППА»

Театр Оскараса Коршуноваса. Литва

«Последняя лента Крэппа» – пьеса для пожилого маститого актёра, который волен выбрать, играть ли этот бенефис старости как исповедальную мелодраму или заняться поисками нового театрального языка. Как, например, Роберт Уилсон, в «техногенной» клоунаде которого можно было даже предположить, что он играет заглавную роль, то есть, саму ленту.

Юозас Будрайтис в постановке Оскара Коршуноваса как будто вовсе и не пытается сказать новое слово в искусстве, его задача – остаться собой. Потрёпанный клошар из какого-то навсегда ушедшего времени просыпается в одном из кресел партера, поднимается на сцену, как в дешёвый домик на горе, воцаряется за столом, заваленным плёнками и катушками с аудиодневниками, освещённым настольной лампой, его главной гордостью. И становится

единственной живой точкой в тёмной, мертвой Вселенной.

Вокруг чернота: абсолютное, стопроцентное, дистиллированное одиночество, та самая Гамлетова скорлупа ореха, где человек может быть свободен. И где он закрыт навсегда. Тот самый внутренний мир, который изощрённый интеллект Крэпп так старательно оберегал от мира внешнего. Чтобы сейчас искать ту уникальную запись, в которой когда-то признался себе самому, что любил. Чтобы выкрикнуть в космос: «Мама!» – и замереть с застывшей трагической маской на лице. Чтобы со вкусом съесть банан, хохотнув над былыми попытками бороться с этой слабостью. Чтобы, вздохнув чуть поглубже, замереть навсегда. Юозас Будрайтис сыграл ни много ни мало последнюю вспышку свечи перед тем, как она погаснет.

ЖИЗНЬ КАК ДИНАМО-МАШИНА

«ДЫХАНИЕ»

Режиссёр Кэти Митчелл. Театр «Шaubюне ам Лешнер плац». Германия

Распродажа в ИКЕА. Молодая пара идеальных европейцев стоит в очереди, как вдруг Ему приспичило заговорить о ребёнке. Она в панике – и причин для этого больше чем достаточно: от неподходящего места для подобного разговора и её неготовности стать идеальной матерью до подсчётов количества углекислого газа, который произведёт за жизнь их буду-

щий ребёнок, отравив атмосферу планеты гораздо больше, чем ежедневный самолёт из Берлина в Нью-Йорк. Текст Дункана Макмилана подошёл бы многим, очень многим парам любого мегаполиса: зациклены на своих ощущениях, карьере, вежливо-натянутых отношениях с родителями, вопросах экологии и благотворительности, бредут на ощупь друг к другу через ошибки, измены и попытки начать всё сначала. Своего рода тщательно подобранная коллекция средневропейских банальностей и рефлексий.

Но Кэти Митчелл, на прошлом фестивале NET поразившая москвичей виртуозным переплетением театра и кино, в этот раз создала на сцене... экологически чистую энергосистему для вечно теряющих смысл жизни людей. Двое самоотверженных солистов (Кристоф Гавенда, Дженни Кёниг) и пятеро статистов без передышки крутят педали велотренажёров (репетиции пришлось вести под присмотром спортивных врачей). Метафора безостановочного бега

по жизни иронично оборачивается функцией электрогенератора: актёры сами вырабатывают электричество для освещения сцены и для табло со счётчиком, фиксирующим прирост населения планеты за время спектакля. Им, крутящим педали, кажется, что время течёт по-прежнему. Но мастерски прикинувшийся банальным текст показывает, как время сорвалось с места в карьер и некогда зацикленные на подробностях своих «сложносочиненных» ощущений герои не могут его догнать. Выкидыш, охлаждение, расставание, новая встреча, другие партнёры, ещё одна беременность, рождение ребенка, поход в школу, взросление, смерть одного из них – все события начинают сменяться с пугающей быстротой, и электричество для их жизни начинает иссякать. Только табло над головой свидетельствует: где-то там, на Земле, дети по-прежнему продолжают рождаться. Чтобы выдохнуть в атмосферу десять тысяч тонн углекислого газа.

КАКОЕ ВРЕМЯ НА ДВОРЕ, ТАКОВ МЕССИЯ

«ТАРТЮФ»

Режиссёр Михаэль Тальхаймер. Театр «Шaubюне ам Лeнинeр плац». Германия

Художник Олаф Альтманн оставил актёрам минимальное пространство для игры – квадратную нишу, вписанную в круг, поднятую высоко над сценой, цвета червонного золота, словно оклад старинной иконы. Из декораций только кресло да католический крест вверху. Секрет в том, что круг – поворотный, однажды он стронется с места, начнёт вращаться и поставит всё с ног на голову: крест опрокинется, прикрученное кресло с перепуганным Оргоном (Инго Хюльсманн) повиснет над полом, а люди потеряют равновесие и покатаются вниз, точно шарики в барабане предсказателя судеб. Дно ведь всегда притягивает.

Дело в том, что Михаэль Тальхаймер саму пьесу Мольера поставил с ног на голову, превратив благочестивое семейство Оргона в компанию вырож-

дающихся, донельзя инфантильных фриков, а Тартюфа (Ларс Айдингер) – в карающий меч судьбы. Высокий, патлатый, со звериной пластикой и голым торсом в наколках-письменах, он единственный способен твёрдо стоять на ногах, как бы ни крутился «изменчивый мир». Смешно обвинять этого мрачного мессию-зэка с псалмами Давида и строками Нагорной проповеди на устах в том, что он способен соблазнять хозяйку дома и претендовать на дочку – на этих ломающихся кукол он даже не смотрит, и сцена «соблазнения» Эльмиры, после которой главе дома Оргону предписано прозреть насчёт своего кумира, превращается в аскетичную проповедь.

Мольеровский хепши-энд с мудрым королём и наказанным святошей здесь невозможен в принципе – возмездие приходит в виде ломаки-пристава (Урс Юкер), который наслаждается унижением раздавленной семьи. И только служанка Дорина (Катлен Гавлих) стойко принимает крах как возмездие за прошлую жизнь. Но такие люди всегда находятся в меньшинстве.

AN ACCUMULATOR OF MEANINGS

MOSCOW HOSTED THE NET
(NEW EUROPEAN THEATRE) FESTIVAL

A PLAY THAT PRODUCES ELECTRICITY. TARTUFFE IS NOT A SANCTIMONIOUS HYPOCRITE, BUT A MESSIAH. AND KING UBU IS NOT A DICTATOR, BUT A TEENAGER WITH ADOLESCENT COMPLEXES.

MEDICAL OPTIMIZATION THE HUNGARIAN STYLE. A VERBATIM WITH TRAVELLING SALESMEN IN FRENCH.

ANIMATION BORNE FROM THE SPIRIT OF GREAT MUSIC.

A FAMOUS LITHUANIAN PLAYING IN RUSSIAN. EVERY PRODUCTION – A DISCOVERY (EVEN WHEN WE ARE TALKING ABOUT FAMILIAR NAMES).

Organizers of the NET festival were not shy about expressing their fears that the next theatre forum may not take place and they put together a very strong program, as though they were doing it for the last time. Another trend noted by the program's authors Marina Davydova and Roman Dolzhansky – there turned out

to be so many Russian productions that fit perfectly within the context of the new European theatre that the organizers were forced to limit themselves in compiling the Russian part of the playbill: a true testament to the fact that at some point the starter seeds of the NET festival fell upon fertile ground.

WE MADE NO VOWS TO CROSS ALL OBSTACLES

“DEMENTIA”

Director Kornel Mundruczo. Proton Theatre. Hungary

This is the first time that Kornel Mundruczo, winner of the Cannes festival, came to Russia as a theatre director. “Dementia” – the second part of the “Trilogy of Suicide” (a play by Mundruczo himself and Kata Weber) – is a diagnosis of not only the four patients remaining at an old psychiatric clinic in the heart of Budapest, but also of those who find themselves on the other side of the tenuous boundary called the “norm”. In the play, the boundary between physiologism, naturalism, eroticism – the various thrillers for hypocrites – is just as tenuous, and so is the boundary between a carnival, an operetta, a tragicomedy, a movie with close-ups, a dark comedy, a crime story, and social despair – Kornel Mundruczo mixes genres together like a kid playing with paints.

A doctor, hooked on tranquilizers, uses musical therapy to treat his patients: a mathematician, who tries in vain to reach

his ex-wife by phone, a Romanian dentist, who can ignore his physical urges but falls into fits of rage at the memories of Ceausescu, a young woman with a heap of family photographs, where she cannot recognize anyone, and, finally, a former operetta diva, who can be pulled out of her apathy only by a “young lover’s scent” and a microphone in her hand. The diva’s gay son sleeps under her bed, having voluntarily abandoned a world of triumphant norm for this house of mental anguish and a position of a bass guitarist in the “Dementia” band.

A Hungarian operetta, the eternal Kalman as an ineffective medicine for dementia, oblivion, disintegration – a powerful metaphor by Kornel Mundruczo, both vividly theatrical and biting social. An abandoned clinic is also an elite piece of real estate that was purchased by an erotic services company owner for his own needs. Now he has to “optimize” the four nutcases, the volatile little doctor and the shrewish nurse, with whom he at one point had an affair. And while “normal” people play the dangerous cat-and-mouse game for the sake of surviving in an old building, the patients with dementia become the moral tuning fork – there was a reason they were tuned to the melodies of Kalman. Both the doctor, who nearly sold himself out for a spot at a Swiss clinic, and the nurse, who almost traded in her patients for the false happiness with an enterprising opportunist, realize that the disintegration outside their clinic’s walls is even greater. Christmas is coming, the world is wrapped in snow and prepared to be reborn, getting rid of patients and doctors, whom nobody needs, along the way. The doctor cannot outplay the world, but he can beat it by a step – “we made no vows to cross all obstacles, and so we’ll simply face our end”. And he will give his patients, himself and his colleague a bag to put over their heads and a sparkler to light up the final journey and measure out the time remaining. Ultimately, the only thing that separates them from the sane is the precise knowledge of when the end will come – and that knowledge is bright.

FALLEN LEAVES. MUSIC BOX

“WINTERREISE” (WINTER JOURNEY)
 Director William Kentridge. Co-production.
 France, Austria, Netherlands, USA, Germany,
 Luxembourg

“Winterreise” brought together famous German baritone Matthias Goerne, the no less famous pianist Markus Hinterhauser, renowned performer of avant-garde music and administrator of the Salzburg and Vienna festivals, and South-African cartoonist William Kentridge. And the three managed to create a piercingly powerful performance from Schubert’s music and Wilhelm Muller’s poems. Hinterhauser, slouching domestically at the grand piano, and Goerne, who seems to be purposely avoiding the light, look like a priest and a layman brought in

for a confession, and the lid of the grand piano serves as a partition. The range of emotions is enormous: from rage to tears, from groans to stoicism. The singer makes his confession, addressing the pianist, and only sometimes, stepping out of the darkness, does he point to the wall, where a video projection of his subconscious is displayed. The only brightness is memory, which lights up the wall covered with pages from the book of life that can no longer be put together into a unified story. Memory paints hurried pictures on those pages: a mailman driving... a man pacing out the room... a woman – bury your face in her lap and you will find eternity... a lake resembling a foundation pit... And autumn leaves that the mocking wind weaves into familiar silhouettes for a brief moment only to instantly scatter them across the ground.

WHILE THE CANDLE BURNS

“KRAPP’S LAST TAPE”
 Oskaras Korsunovas Theatre. Lithuania

“Krapp’s Last Tape” is a play for an older, seasoned actor, who is free to choose whether to play this benefit performance of old age as a confessional melodrama or set off in search of a new theatre language. Like Robert Wilson, for instance, whose “technogenic” clownery could even be interpreted as him playing the lead, in other words, the tape itself.

Juozas Budraitis in Oskaras Korsunovas’ production doesn’t seem to even be trying to show a new discourse in art; his goal is to remain himself. A battered clochard from a time long gone wakes up in one of the parterre seats, gets up on stage, as if walking into a cheap little house on a hill, settles himself regally at the table littered with tapes and reels of audio journals, illuminated by a desk lamp, his pride and joy. And becomes the only living spot in a dark, lifeless Universe.

Blackness is all around him: an absolute, one hundred percent, distilled loneliness, that very same nutshell of Hamlet’s, where a man can be free. And where he is locked in forever. That very same inner world that Krapp, the sophisticated intellectual, protected so carefully from the world outside. In order to now be able to look for that unique recording, where he admitted once to himself that he had loved. To be able to cry out “Mama!” into

the universe and stand stock-still with a face twisted into a frozen tragic mask. To be able to enjoy a banana, laughing at the previous attempts to combat this weakness. To be able to breathe in a little deeper and be still for all eternity. Juozas Budraitis' performance was nothing less than a candle's final flare before it goes out forever.

LIFE AS A DYNAMO MACHINE

"LUNGS"

Director Katie Mitchell. Schaubuhne am Lehninger Platz Theatre. Germany

A sale at IKEA. A young perfect European couple is standing in line, when all of a sudden He decides to talk about having a baby. She panics – and there are more than enough reasons for it: from this not being an appropriate place for that kind of a discussion and her not being ready to become a perfect mother to calculations of how much CO2 their future child will produce, spilling a great deal more poison into the planet's atmosphere than a daily plane ride from Berlin to New York. Duncan Macmillan's text could fit quite a few couples from any large metropolis: the ones obsessed with their own perceptions, careers, politely strained relationships with their parents, issues of ecology and charity, who grope their way blindly toward each other through mistakes, infidelity and attempts to start over. A carefully selected collection of sorts of average European platitudes and reflections.

Yet this time Katie Mitchell, who astounded Moscow audiences with a masterful interweaving of theatre and film at the last NET festival, created on stage... an eco-friendly power system for people that are constantly losing the meaning of life. Two self-sacrificing leads (Christoph Gawenda, Jenny König) and five extras are pedaling non-stop on exercise bikes (rehearsals had to be conducted under the watchful eye of sports medicine doc-

tors). The metaphor for a non-stop race through life ironically becomes the function of an electrical generator: actors themselves produce electricity to light up the stage and a display with a counter that shows population growth over the performance of the play. Those who are busy pedaling think that time is moving as it did before. Yet the text that so expertly pretended to be clichéd shows time break forward at full speed and the main characters, erstwhile fixated on the details of their "complex" feelings are unable to catch up. A miscarriage, the relationship cooling down, the breakup, a new encounter, other partners, another pregnancy, the birth of a child, the start of school, the growing-up, the death of one of them – all the events follow one another with frightening speed and the electricity running their lives begins to run dry. And only the display above their heads is testament to the fact that somewhere on Earth children are still being born. In order to breathe ten thousand tons of CO2 out into the atmosphere.

TIME DESERVES ITS MESSIAH

"TARTUFFE"

Director Michael Thalheimer. Schaubuhne am Lehninger Platz Theatre. Germany

Set designer Olaf Altmann left the actors minimum amount of space for this performance – a square niche the color of red gold like the casing of an antique

religious icon is placed inside a circle and raised high above the stage. The set's only scenery is an armchair and a catholic cross up above. The secret is in the fact that the circle is swivel-mounted; one day it will move, start revolving and turn everything on its head: the cross will flip upside down, the bolted down chair with the terrified Orgon (Ingo Hulsman) will become suspended above the floor, and people will lose their balance and roll down like the little balls inside a fortune-teller's drum. Everything always gravitates to the bottom, after all.

The thing is that Michael Thalheimer turned Moliere's play itself on its head, turning Orgon's pious family into a horde of degenerating and exceedingly puerile freaks, and Tartuffe (Lars Eidinger) – into the avenging sword of fate. Tall, with long greasy hair, animal-like movements and naked upper body covered with tattooed writings, he is the only one capable of standing firm on his

feet, regardless of how the "changeable world" twisted and spun around him. It is ridiculous trying to accuse this gloomy convict messiah with the Psalms of David and lines from the Sermon on the Mount on his lips of being capable of seducing the lady of the house and lay claims to the daughter – he doesn't even look at these two poser dolls, and the scene of Elmire's "seduction", following which the head of the house Orgon is supposed to start seeing his idol for who he really is, turns into an ascetic sermon.

As a matter of principle, Moliere's happy end with a wise king and a sanctimonious hypocrite who gets his punishment is not possible here – retribution comes in the form of a poser police officer (Urs Jucker), who enjoys the humiliation of the crushed family. And only the maidservant Dorine (Cathlen Gawlich) bravely accepts ruin as retribution for her past life. But people like that are always in the minority.

